

Казалось бы, Сун Хайлинь не слышал, как он жует, и не чувствовал запаха булочки, но, лежа на столе и слушая звук перелистывания страниц, который повторялся примерно каждые пять минут, его живот снова заурчал.

После того, как он с Гу Янем устроили шум, тишина сделала этот звук голодного желудка еще более заметным, и он покраснел, подумав, что лучше выйти и прогуляться.

Только он собрался встать, как с другой стороны прохода ему протянули ланчбокс.

Внутри аккуратно лежали две булочки, тесто уже немного затвердело, но зеленый начинка внутри все еще выглядела аппетитно. Су Шэнь держал край ланчбокса и жестом предложил ему взять.

Упрямство Суна Хайлиня снова взяло верх, и, не понимая, что на него нашло, он бросил взгляд на ланчбокс и снова лег на стол, намеренно отвернувшись в другую сторону. С глаз долой — из сердца вон.

Су Шэнь посмотрел на его спину и продолжил есть маленькую булочку.

Сун Хайлинь тут же пожалел, что отвернулся. Что за дурацкая идея! Почему я отвернулся? Почему бы просто не съесть булочку спокойно?

Он ругал себя снова и снова, стиснул зубы, снова сел и посмотрел в сторону булочки, надеясь, что Су Шэнь поймет его голодный взгляд. Но Су Шэнь даже не взглянул на него, а просто взял книгу и начал читать, положив ее на стол.

Книга была небольшой, похожей на брошюру, страницы пожелтели, и она не выглядела как что-то серьезное.

Сун Хайлинь взглянул на обложку.

И действительно, это была несерьезная книга.

«История китайской проституции», автор Ван Шуну.

Это... человек выглядел таким скромным, примерным учеником, а тут такое...

— Эта книга — великий труд, изучающий социальную жизнь древнего Китая, — вдруг сказал Су Шэнь.

Сун Хайлинь съежился и промолчал.

Снова посмотрел на булочку, Су Шэнь, который изначально не хотел обращать на него внимания, все же протянул ланчбокс и сказал:

— Я больше не хочу, можешь взять.

Сун Хайлинь тут же расплылся в улыбке, но, сохраняя остатки самообладания, вежливо взял ланчбокс и поблагодарил.

Булочки были с фенхелем, хотя уже остыли, но для голодного Суна Хайлиня это было настоящим деликатесом. Он быстро съел их и даже облизал губы, наслаждаясь вкусом.

После еды он почувствовал прилив сил и, возвращая ланчбокс, заглянул через плечо Су Шэня, который писал заметки в книге.

Су Шэнь одной рукой держал книгу, а другой писал синей ручкой, хмурясь.

На странице крупными буквами было написано: Глава седьмая, мужская красота в древности.

Первая строка: Влечение к мужской красоте — врожденное качество человека.

Под этой строкой была проведена черта, и рядом была заметка: Бессмыслица.

Судя по цвету чернил, это было написано давно.

Восклицательный знак не использовался, только не совсем ровная точка.

Почерк был детским, без особого стиля, единственное, что выделялось, — это ровные линии. Такой почерк имел одно преимущество: он не выдавал настроения пишущего.

Сун Хайлинь никак не мог понять, что означало слово «бессмыслица».

Согласен он или нет?

Ключ был в этой «точке», которая делала отношение неоднозначным.

Закончив писать, Су Шэнь посмотрел на часы, висевшие впереди класса, положил ручку в книгу, закрыл ее и, обойдя Суна Хайлиня, выехал из класса на инвалидной коляске.

Сун Хайлинь хотел посмотреть его заметки, долго смотрел на книгу, но так и не тронул ее.

В деревне Циншуй большинство дорог были грунтовыми, лишь несколько основных улиц были покрыты асфальтом, но из-за долгого отсутствия ремонта они были покрыты большими трещинами. Сун Хайлинь уверенно вышел из школы, планируя прогулять послеобеденные уроки, но, выйдя за ворота, ему в лицо ударил порыв ветра с пылью.

Он кашлянул, прикрыл глаза и открыл их только тогда, когда ветер стих.

Оглядевшись, он не увидел никаких следов современной цивилизации. Где же найти телефон? У него дома был стационарный телефон, но если он вернется сейчас, то за прогул уроков бабушка точно его отругает. Честно говоря, он больше боялся ее громкого голоса, чем наручников и захватов отца.

Сун Хайлинь каждый год приезжал в родную деревню на Новый год, хотя приезжал вечером 30-го числа, а уезжал уже днем 1-го января, так что даже не проводил полных суток. Но за эти годы, глядя из окна машины, он мог примерно определить, где находится самая оживленная часть деревни.

Хотя Первая средняя школа Цинсяна в глазах Суна Хайлиня была дырой, она находилась в центре деревни и считалась самым внушительным зданием во всей округе.

Пройдя вдоль школьной стены около ста метров и свернув за угол, он оказался на главной торговой улице деревни. По сути, это была асфальтированная дорога с небольшими магазинчиками по обеим сторонам, где продавалось все, что угодно. В дни ярмарок здесь собирались люди со всех окрестных деревень, покупали рис, овощи, а если настроение было хорошее, то и новую одежду.

Но в обычные дни улица была пустынной.

Сун Хайлинь шел по улице в поисках телефона как раз в такой обычный день.

Вся улица была чистой, с одного конца до другого можно было видеть все без помех. Он быстро осмотрелся и по памяти направился к киоску.

Только он увидел стекло с красной надписью «Общественный телефон», как Су Шэнь на инвалидной коляске выехал из переулка перед ним, проехал несколько метров спиной к нему и зашел в магазин готовой еды.

Он посмотрел на часы. Действительно, время урока.

Оказывается, прогуливают не только он.

Магазин готовой еды был украшен зеленой вывеской, которая, вероятно, висела уже много лет, половина водонепроницаемой ткани отвалилась, и только ржавый металлический каркас

держался на месте, а ржавчина на солнце даже блестела.

Рядом стояла маленькая табличка, указывающая, что здесь также принимают посылки.

Сун Хайлинь заглянул внутрь, Су Шэнь остановился рядом с картонной коробкой у входа, наклонился и поставил внутрь маленькую миску с молоком. Через мгновение из коробки выглянула маленькая голова котенка.

Су Шэнь чихнул, реагируя на котенка, и, придя в себя, оглянулся.

На улице было по-прежнему пусто, асфальтовая дорога была покрыта тонким слоем пыли, и несколько окурков, подхваченные ветром, крутились на месте.

Снаружи никого не было.

Сун Хайлинь в это время уже вошел в соседний магазин с вывеской «Общественный телефон», маленький лотерейный киоск, и потратил свои последние два юаня, чтобы позвонить своему другу детства Пань Шичэну, который находился в городе.

Пань Шичэн с самого детства был другом Суна Хайлиня, они вместе играли в песочнице, но между ними была разница. Они вместе прогуливали уроки, вместе попадали в неприятности, вместе играли на уроках в телефоны, и даже Пань Шичэн был более беспокойным, чем Сун Хайлинь. Но в итоге на экзаменах маленький Пань всегда был первым, а маленький Сун — последним.

За это Сун Хайлинь не раз получал выговоры.

О необычных способностях Пань Шичэна к учебе Сун Хайлинь любил говорить, что это гены. Родители Пана были ведущими учеными в Академии наук, дядя — профессором лингвистики, вся семья была интеллектуалами. А их семья Сунов была связана с правоохранительными органами. В древние времена это была разница между учеными и солдатами, и в учебе он, с генами солдата, пытался соревноваться с генами ученого, что было самоубийством.

Когда телефон соединился, голос Пань Шичэна звучал сонно, он еле слышно произнес:

— Алло.

— Это я, Сун Хайлинь, — сказал он.

— Да Линь? — голос Пань Шичэна резко повысился, и в трубке появился шум.

Сун Хайлинь еще не успел что-то сказать, как на том конце провода раздался женский голос:

— Пань Шичэн! Что ты делаешь? Встань!

Судя по голосу, это была учительница английского.

Затем послышался звук медленнодвигающегося стула.

Его ленивое отношение еще больше разозлило учительницу, она топнула ногой и указала на дверь:

— Выйди и стой в коридоре! Не думай, что твои высокие оценки дают тебе право на беззаконие.

<http://bllate.org/book/15285/1350479>